

Наталья Осухова

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА И ЕГО ПРАКТИКА: АНАЛИЗ ДВУХ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье обсуждается значимость позиции создателя терапевтической концепции для практики. Проводится анализ концепций К. Роджерса и Р. Мэя, а также контент-анализ стенограмм их консультаций через контекст теоретических представлений В. С. Мухиной о структурных звеньях самосознания.

Ключевые слова: концептуальная позиция; практика; самосознание; структурные звенья самосознания; вербальные обращения.

Annotation. The therapy creator's position significance for practice is discussed in the article. The analysis of the concepts of K. Rogers and R. May was held as well as content-analysis of the shorthand records of their consultations though the context of V. Mikhina's theoretical ideas about the selfconsciousness structure links.

Keywords: concept position; practice; selfconsciousness; selfconsciousness structure links; verbal addressing.

На пути к
интеграции

Психологическое консультирование как практика психологической помощи людям, не имеющим клинических нарушений, существует в нашей стране около двадцати лет. Все эти годы в консультировании по преимуществу преобладала ориентация на зарубежные образцы (психоанализ, когнитивно-поведенческий подход, гештальт-терапия, экзистенциально-гуманистический подход и др.). Тем отраднее тенденция творчески интегрировать традиции отечественной психологии личности и богатый опыт зарубежной психотерапевтической практики, которая наметилась в отечественной консультативной психологии в последние годы (Ф. Е. Василюк [1], И. В. Дубровина [2], А. А. Пузырей [3], А. Б. Холмогорова [4]).

В русле данной тенденции нами был предпринят концептуальный анализ практики создателя клиент-центрированного подхода к консультированию Карла Роджерса и основоположника экзистенциального подхода Р. Мэя* через призму концепции феноменологии

* В 40-е годы XX века почти одновременно вышли книги этих психотерапевтов, заложившие основы двух гуманистических подходов к психологическому консультированию: «Искусство психологического консультирования» ("The art of counselling") Р. Мэя и «Консультирование и психотерапия» ("Counselling and psychotherapy") К. Роджерса.

Методологические ориентиры

развития и бытия личности В. С. Мухиной [5], которая стала для нас теоретической основой для интеграции существующих подходов в единую систему.

Представим теоретические идеи В. С. Мухиной, которые были реализованы в опыте ее собственной практической работы в экстремальных ситуациях [6], а также стали основой терапевтической, коррекционной и воспитательной практики ее многочисленных учеников [7]. Личность представляет собой амбивалентное единство социального и индивидуального. Ее самосознание – универсальная, психологически значимая структура, которая присуща каждому социализированному индивиду и состоит из пяти звеньев: имя собственное, притязание на признание, половая идентификация, психологическое время личности (прошлое, настоящее и будущее), социально-нормативное пространство прав и обязанностей. Именно в такой последовательности формируется структура самосознания в онтогенезе.

Наличие звеньев самосознания универсально (они существуют у любого социализированного индивида независимо от его социальной принадлежности, этноса, культуры, пола). При этом содержательное наполнение каждого звена уникально: оно зависит от традиций культуры и внутренней позиции самого человека и может изменяться в течение жизни (в том числе и в условиях психологического консультирования) посредством присвоения и освоения социокультурного опыта. В качестве механизма, посредством которого этот опыт осваивается и присваивается, восполняя содержание каждого из структурных звеньев самосознания, выступает идентификация-обособление.

В соответствии с этими положениями продуктивной позицией специалиста в практике консультирования становится учет значений и смыслов для личности человека всех пяти звеньев самосознания с их содержательным наполнением и феноменологическими особенностями.

Сущность значимых вербальных обращений консультанта

В консультировании говорить – это не столько обмениваться информацией, сколько взаимодействовать с собеседником, направляя ему «послания», способные трансформировать неконструктивные представления клиента о себе и мире. За вербальными обращениями консультанта могут стоять значимые идеи, присваивая которые, клиент переосмысливает представления о себе и о других и начинает по-новому видеть собственные проблемы и затруднения. Содержание вербальных обращений консультанта становится условием восполнения

содержания структурных звеньев самосознания клиента и его внутренней работы по преобразованию «мира в себе и себя в мире».

Наше предположение заключалось в том, что концептуальные представления консультанта о личности и ее развитии определяют, каково будет содержание вербальных обращений к клиенту, а также к каким именно звеньям самосознания эти обращения будут по преимуществу «адресованы». Для проверки данного предположения мы сначала предприняли теоретический анализ представлений о личности и ее развитии в концепциях К. Роджерса и Р. Мэя, а затем обратились к их практике, – провели контент-анализ стенограмм их консультаций с точки зрения обращенности специалиста к структурным звеньям самосознания клиента.

Выбор концепций для анализа

Выбор для сопоставительного анализа консультативных подходов К. Роджерса и Р. Мэя отнюдь не случаен. Оба терапевта являются создателями гуманистических по своей сути концепций, утверждающих свободу человека, его достоинство и способность к самодетерминации. Оба практикуют феноменологический подход к пониманию жизненной ситуации клиента и его внутреннего мира. Более того, обе концепции получили широкое распространение в России, где проходят в научных обзорах и вузовских учебниках по ведомству экзистенциально-гуманистической психологии*.

Среди практиков более популярен клиентцентрированный подход К. Роджерса: привлекательность идей о недирективности консультанта, безусловном принятии клиента, личностном росте и самоактуализации** (как и кажущаяся простота техник) сделали клиентцентрированный подход своего рода «священной коровой» отечественного консультирования. Практики нередко благоговейно принимают идеи К. Роджерса и осваивают разработанные им психотехники эмпатического слушания и Я-сообщений. Однако такая позиция неконструктивна: необходима рефлексивная позиция относительно теории и практики различных консультативных подходов.

Два взгляда на природу человека и его развитие

Как известно, сходство не исключает различий. В. Франкл обозначил различия между двумя гуманистическими подходами, которые мы предполагаем рассмо-

* По выражению А. Лэнгле и А. Б. Орлова, «они продолжают оставаться слитыми друг с другом, пребывают в своего рода симбиозе как экзистенциально-гуманистическое направление» [8].

** К. Роджерс, как и А. Маслоу, считал самоактуализацию важнейшей потребностью личности.

треть как различия между потенциализмом и экзистенциализмом [9]. *Потенциализм* предполагает, что в человеке изначально заложены в виде потенциальных возможностей все принципиальные для его природы ценности, мотивы, способности и свойства, которые в ходе развития лишь разворачиваются. Главное, что «необходимо и достаточно» для самоактуализации как «разворачивания» этих свойств, – создание благоприятных условий.

Противоположна *экзистенциалистская* позиция, концентрированным выражением которой стала знаменитая формула Ж.-П. Сартра: «Только для человека существование предшествует сущности; люди сами делают себя тем, чем они становятся» [10]. В человеке нет ничего «изначально заложенного» (кроме биологических предпосылок), а значит, личностное развитие отнюдь не предопределено. Оно – результат самосозидания человека: результат тех выборов, которые он совершает в своей жизни, и тех усилий, которые прилагает для их реализации.

Первый взгляд на природу человека был близок К. Роджерсу; второй – Р. Мэю.

Анализ теоретических позиций К. Роджерса [11] показал: в основе его терапевтического мифа лежит представление о безусловной позитивности человека, который изначально добр: «Одно из самых революционных представлений, вытекающих из нашего клинического опыта, – читаем мы у К. Роджерса, – заключается в растущем признании того, что самое глубокое внутреннее ядро человеческой природы, самые глубинные слои его личности, основа его “животной природы”, по существу, социализированы, рациональны, реалистичны и движут его вперед» [12], обеспечивая реализацию «одной-единственной базовой тенденции или стремления», – актуализироваться*, сохраняться и укрепляться [13]. Согласно К. Роджерсу, метафора развития личности в консультировании – семя, которое прорастает и дает ростки, если созданы все необходимые и достаточные для его развития условия. Соответственно, консультанту предписывается обращаться именно к этому

* У ряда исследователей идея самоактуализации вызывает возражение. В. Франкл остроумно сравнивал самоактуализацию с бумерангом, возвращающимся назад. Задача бумеранга состоит вовсе не в том, чтобы вернуться к тому, кто его послал (хотя большинство считает именно так), а в том, чтобы поразить цель. Возвращение бумеранга назад – свидетельство неудачи или промаха. То же и с самоактуализацией личности: будучи направленной на самую себя, она означает промах в главном, – бытию человека в мире.

Теоретические
позиции
К. Роджерса

потенциалу добродетели, «окейности», – стать «заботливым садовником», создающим условия для развития. Такими условиями (и одновременно требованиями к психотерапевту) К. Роджерс считал безусловное принятие клиента, эмпатию и конгруэнтность, то есть «соответствие терапевта самому себе», его искренность и открытость. «Изменение происходит тогда, когда клиент чувствует себя принятым и понятым» [14].

В соответствии с этими позициями конечной целью консультативной работы с клиентом становится полноценно функционирующая личность, то есть человек, полностью сознающий свое «Я», принимающий себя и самоактуализирующийся. К изменениям клиента в консультативном процессе К. Роджерс подходит как к разблокированию его потенциалов развития. Позитивный взгляд психолога на клиента становится условием изменения его представления о себе и поведения. Взаимодействуя с психологом, клиент переживает новый для него опыт отношений, результатом которого становится принятие человеком новых представлений о себе и своих возможностях. В этом утверждении имплицитно содержится мысль о необходимости обращаться к притязаниям клиента на признание («я хороший!»), что соответствует представлениям В. С. Мухиной о содержании второго звена самосознания.

Иначе, чем К. Роджерс, смотрит на личность и процесс ее развития Р. Мэй [15]. Поскольку жизнь – единство добра и зла, *природа человека двойственна*: «Не существует такой вещи, как чистое добро; и если бы зло было невозможно, не было бы и добра. Жизнь состоит в достижении добра не в стороне от зла, а вопреки ему» [16]. Особое место в концепции Р. Мэя занимают представления о «силе и невинности», «усилии и бессилии». Понимая, что человек зачастую уклоняется от напряжения и предпочитает действия, которые доставляют удовольствие, Р. Мэй представляет развитие личности как процесс, который настоятельно требует принятия *нравственных обязательств и приложения собственных усилий*. Причем усилий постоянных. Человек становится «тем, кем он может стать» не тогда, когда ему «создают условия», а когда он (живя в заданных обстоятельствах) сам создает для себя эти условия посредством осознанных выборов и реальных действий в мире.

Одним из важнейших условий существования личности Р. Мэй считает духовное напряжение. Сущностно изменения личности в процессе консультирования пред-

Теоретические
позиции Р. Мэя

Цель работы
с клиентом

стают как понимание человеком двойственности своей природы и принятие ответственности за свое существование, за свои жизненные выборы. Стратегической целью психологической помощи становится *восстановление целостности* человека (исцеление). Исцелить предполагается не только душу, но и отношения человека с миром.

Для Р. Мэя консультант – отнюдь не садовник и «не превосходный, зеркально отражающий слушатель» [17]. Он – «спутник в нелегком пути», который сначала становится «восстановителем» внутреннего мира личности, а затем – посредником между человеком и миром. Неслучайно Р. Мэй сравнивает психолога с Вергилием, спутником Данте в его символическом путешествии, описанном на страницах «Божественной комедии»: терапевт сопровождает клиента в ад, проводит его через чистилище и приводит его к вратам рая. В моменты, когда человек боится продолжать свое путешествие, он подбадривает его, как это делал Вергилий: «Я не оставлю тебя блуждать по этой преисподней одного».

Сопоставление идей
К. Роджерса и
Р. Мэя

Сопоставление идей К. Роджерса и Р. Мэя позволяет говорить о том, что в основе их, – гуманистических по своей сути, – концепций психотерапии и консультирования лежат различные образы человека. Если первый считал, что человек по своей природе однозначно добр, то второй в полном соответствии с постулатами экзистенциальной философии внес в психотерапию представление о двойственной природе личности, о возможности человека развиваться в любом выбранном направлении, а также об ответственности человека за выбор пути развития, о «мужестве жить», постоянно прилагая собственные усилия для того, чтобы жить в этом мире достойно. Более того, в его концепции *начинают звучать нравственные требования к человеку как к личности*.

По сути, К. Роджерс ставил акцент на развитие индивидуальности, уникальности, самооценности, а Р. Мэй постулировал в личности единство социального и индивидуального, считая, что «личность характеризуется независимостью, индивидуальностью, социальной интеграцией и духовным напряжением» [18].

От теории – к
практике

К каким звеньям самосознания клиента обращается по преимуществу каждый из консультантов? Каково содержание этих обращений? Ответ на эти вопросы мы получили в ходе контент-анализа текстов консультаций К. Роджерса и Р. Мэя, опубликованных в печати*.

* В осуществлении контент-анализа принимал участие М. В. Койфман [19].

Анализ практики
консультирования
К. Роджерса через
призму звеньев
самосознания
Начальный этап

Для того чтобы отследить динамику вербальных обращений консультанта к структурным звеньям самосознания клиента, каждый из текстов был условно разделен на три части в соответствии с традиционным членением консультативного процесса на три этапа (начальный, основной и завершающий [20]).

Клиент К. Роджерса, – мистер Брайен, – тридцатилетний мужчина, который обратился к психологу в ситуации отсутствия постоянной работы и сложных отношений с людьми.

На начальном этапе консультант выявляет представления клиента о себе и его запрос, обращаясь, в основном, к первому и второму звеньям самосознания. Еще одно звено самосознания, к которому направлена часть вербальных обращений консультанта, – психологическое время личности. В зоне его внимания находятся настоящее (принцип «здесь и теперь») и будущее: своими обращениями психолог «переводит» клиента из зоны прошлого в зону настоящего, не забывая при этом формировать образ желаемого будущего. Обратим внимание на одну из особенностей вербальных обращений К. Роджерса: в своих «посланиях клиенту» он использует лексику самого клиента, что становится вербальным проявлением принятия и способствует сначала присоединению консультанта к клиенту, а затем – углублению контакта с ним.

Из приемов наиболее часто используются перефразирование, то есть «возвращения другими словами, как правило, в более сжатой и ясной форме сути когнитивного содержания высказывания клиента» [21] и эмпатическое слушание, помогающее клиенту соприкоснуться с собственными чувствами и осознать их.

Направленность обращений консультанта и используемые при этом приемы позволяют клиенту почувствовать и осознать свою значимость: его принимают таким, как он есть, не осуждают. Результатом становятся доверие клиента консультанту и принятие решения о продолжении процесса консультирования. Отметим, что типичность для практики К. Роджерса именно такой позиции отмечает большинство исследователей его терапевтической и консультативной практики. Так, у Марии Виллас-Боас Боуэн мы читаем: «К. Роджерс с непоколебимой верой в “добродетель” человеческой природы делает заключение о том, что ошибки клиента можно с легкостью простить. Более того, в процессе сеанса он довольно часто настаивает на том, чтобы сокра-

Основной этап	тить до минимума восприятие клиентом своей “темной стороны”, вместо того, чтобы помочь <...> понять происходящее с ней» [22]. <i>На втором, – основном, – этапе</i> К. Роджерс преимущественно обращается к представлениям клиента о возможностях преобразования проблемной ситуации. При этом он апеллирует к представлениям клиента об изменениях («Вы думаете, что улучшение начнется с избавления от негативных ощущений, а уже потом придет успех?»), тем самым внося идею возможности личностного роста и предупреждая возможное сопротивление клиента изменениям («Поэтому можно сказать, что вам было бы легче остаться в нынешнем состоянии, чем вступить на более тяжелый путь борьбы с тем чтобы достичь чего-то большего?»). Это – один из вариантов эмпатического слушания, граничащий с «мягкой конфронтацией».
Завершающий этап	Если говорить о направленности вербальных обращений К. Роджерса, то большая их часть адресована первому и второму звеньям самосознания. Крайне редко в текстах его консультаций встречаются обращения, направленные к пятому звену самосознания (социально-нормативное пространство). Любопытно, что при этом преобладает утверждение прав, но отнюдь не обязанностей. <i>На завершающем этапе</i> консультативного процесса К. Роджерс обращался к анализу опыта совместного бытия психолога и клиента в период консультирования. Обращения по преимуществу адресованы второму (притязание на признание) и четвертому (будущее время) звеньям самосознания. Этими обращениями К. Роджерс подкрепляет «сильную сторону Я»: отмечая успехи и достижения клиента, он тем самым стимулирует переход нового опыта во внутреннее пространство.
Анализ консультаций Р. Мэя через призму звеньев самосознания	Клиентка Р. Мэя, – Мерседес, – черная, замужняя женщина, возраст которой «около тридцати лет». Ее проблемы связаны с занимаемой ею позицией жертвы. Именно эта позиция привела к тому варианту отношений со значимыми людьми (мать, отчим), которые можно назвать «семейным насилием».
Начальный этап	<i>На начальном этапе</i> консультирования преобладают обращения к первому (Я – Имя – Тело), второму (притязания на признание), третьему (полоролевая идентификация) и четвертому (психологическое время личности) звеньям самосознания. Обращаясь к первому звену, Р. Мэй помогает клиентке осознать и артикулировать представления о себе и своей жизненной позиции. Обращения ко второму звену проясняют, что значит для нее

«быть хорошей». В случае Мерседес, выросшей в негритянском квартале, это означает: быть послушной «милой» девушкой, «выполнять правила приличия», «заботиться о других и соответствовать их требованиям», «быть приятной каждому, быть пассивной, и принимать роль жертвы в любой ситуации, в которую может привести ее жизнь» [23].

В процессе диалога, направляемого вербальными посланиями психолога, проясняются «корни проблемы». Это – традиционные представления социума о женственности, присвоив которые, клиентка уже в детстве приняла позицию жертвы* с ее «невинным смирением и бессилием». В юности произошла смена этой позиции на диаметрально противоположную позицию насилия («превращалась в драках в злобную фурию»). Однако выйдя замуж, Мерседес вновь вернулась к исходной позиции жертвы.

Обращаясь к третьему звену самосознания, Р. Мэй подводит клиентку к пониманию деструктивности ее представлений о традиционной феминной позиции жертвы. В обращениях к четвертому звену на этом этапе процесса превалирует прошлое (история личных выборов клиентки, которая помогает ей осознать, «как она стала тем, чем стала»).

В отличие от К. Роджерса, Р. Мэй уже на начальном этапе консультативного процесса использует вербальные обращения к пятому звену самосознания, – социально-нормативному пространству прав и обязанностей. Каждым их таких обращений он утверждает «право быть». Таким образом, мы видим «пошаговые» вербальные обращения практически ко всем звеньям самосознания. Посредством этих обращений Р. Мэй, с одной стороны, подводит Мерседес к осознанию деструктивности привычной позиции «жертвы обстоятельств», а с другой, – открыто утверждает, что она (как любой другой человек!) имеет право на достойную жизнь и у нее есть возможность изменить привычный образ жизни.

Основной этап

На основном этапе Р. Мэй работает со всеми звеньями самосознания, – от первого до пятого: каждое из них обогащается новым содержанием. При этом консультант обращается к «сильной части» клиентки: подводит ее к осознанию двойственности тех отношений, в

* В отличие от обиденного словоупотребления в практической психологии «жертвой» принято называть человека, который отдает ответственность за себя и контроль над своей жизнью другим людям.

которых она находится в результате собственного выбора, стимулирует «осознание и выражение гнева как первичного проявления силы». Он постоянно укрепляет в Мерседес «право жить, жить как личность, обладающая автономией и свободой» [24].

В этот период психолог широко использует приемы идентификации. К примеру, он идентифицируется гневом Мерседес, который она (как большинство жертв насилия) не позволяла себе даже осознавать. В ситуации, где «нужно было как-то высвободить гнев», Р. Мэй принимает нетривиальное решение: «Я решился <...> не вполне осознанно выразить *мой* гнев вместо Мерседес. <...> Я дал выход ярости, которую она не осмеливалась выразить». Результатом этой работы становятся реальные изменения: «Через три или четыре месяца Мерседес сама начала чувствовать агрессию и выражать свой гнев на тех, кто нападал на нее <...>. Это было так, словно она позаимствовала у меня образ своего гнева. В этом смысле мой гнев был ее первым опытом принятия себя». Понимая всю непривычность такой работы, Р. Мэй поясняет: «Я не разыгрывал роль – я искренне *чувствовал* гнев» по отношению к ее обидчикам. <...> В результате она получила от меня не просто *разрешение* без осуждения бороться за то, чтобы быть, она получила от авторитетного человека первичный *опыт* своих прав и своего бытия, который прежде <...> у нее отсутствовал». По оценке самой клиентки, она получила от психолога силу противостоять своим обидчикам [24].

Идентификацию консультанта с сильными сторонами личности клиентки органически дополняется обособлением, которое присутствует в форме конфронтации с деструктивными чувствами клиентки (смирением, жалостью к себе, чувством бессилия).

Завершающий этап

На завершающем этапе консультант обращается в основном к «состоянию силы» клиентки, укрепляет в ней убеждение в том, что у нее есть не только «право быть», но и обязанность «жить мужественно», нести ответственность за свой жизненный путь.

Все вербальные обращения и действия Р. Мэя в проанализированном нами цикле консультаций соответствуют его теоретической позиции. Прежде всего, его представлению о противоречивости личности и убежденности в том, что практический психолог не должен проявлять безразличия к ценностям, а основополагающими для консультирования являются проблемы свободы и ответственности.

Анализ вербальных
обращений
К. Роджерса и
Р. Мэя через призму
структурных звеньев
самосознания

Сформулируем выводы, к которым мы пришли в результате контент-анализа материала консультативных сессий К. Роджерса и Р. Мэя через призму концептуальных представлений В. С. Мухиной о структурных звеньях самосознания личности.

Анализ вербальных обращений основоположников клиентцентрированного и экзистенциального подходов к консультированию позволяет нам говорить о том, что в вербальных обращениях терапевтов к клиенту отразились их концептуальные представления о личности и ее развитии. Так, в практике К. Роджерса, для которого основное в человеке – это индивидуальность, принимающая себя и осознающая свою ценность и уникальность, преобладает направленность вербальных обращений к содержанию звеньев самосознания, которые наиболее рано формируются в онтогенезе, – прежде всего, первого («Я») и второго (притязание на признание). Использует он также обращения к четвертому звену – психологическому времени личности (образ Я-будущего). Свои вербальные обращения К. Роджерс производит из позиции «принимающего эмпатичного слушателя», некоего «доброжелательного зеркала».

В практике Р. Мэя присутствуют вербальные обращения, которые можно соотнести со всеми пятью звеньями самосознания. Его вербальные обращения направлены на развитие у клиента представлений о себе как о личности, которая занимает «позицию самостояния» (термин В. С. Мухиной), проявляет себя в осознанных выборах и ответственности за содеянное и несодеянное. Об этом свидетельствует большое количество обращений к позднему всего формирующемуся в онтогенезе пятому звену самосознания (права и обязанности). Такая работа обеспечивает развитие личности, обладающей «мужеством быть», а значит и потенциалом жизнестойкости [25]. Таким образом, в практике клиентцентрированного подхода акцент делается на самоотношении клиента и его самоактуализации, а в практике экзистенциального подхода – на отношении клиента как к себе, так и к миру.

Закономерен *вывод*: практику консультанта (а значит и результаты его работы) определяют теоретические представления о человеке и его развитии. Они входят в содержание вербальных обращений специалиста к клиенту и во многом определяют, какие идеи (конечно же, преобразованные и преображенные) будут присвоены им. Будучи присвоенными, эти идеи реально (по прин-

ципу «самореализующегося пророчества») трансформируют содержание самосознания клиента. Понимание данной закономерности предельно остро ставит перед каждым из психологов-практиков вопрос об ответственности за выбор собственной позиции, – как теоретической, так и этической.

1. *Василюк Ф. Е.* Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы // Гуманитарные исследования в психотерапии. – М., 2007. – С. 159–203.

2. *Дубровина И. В.* Школьная психологическая служба: вопросы теории и практики. – М., 1991.

3. *Пузырей А. А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М., 2005.

4. *Холмогорова А. Б.* Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006.

5. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010.

6. *Мухина В. С.* Психологическая помощь пострадавшим от землетрясения в Армянской ССР // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 5. – С. 44–54; *Она же.* Психологическая экспресс-помощь в чрезвычайных ситуациях масштабных катастроф // Психология экстремальных ситуаций / Под. ред. В. В. Рубцова, С. Б. Малых. – М., 2007. – С. 56–76.

7. *Волосников А. В.* Психологическое сопровождение сотрудников спецподразделений по борьбе с терроризмом: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1999; *Горянина В. А.* Психология общения. – М., 2002; *Семья Г. В.* Основы психологической защищенности детей, оставленных без попечения родителей: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2004; *Ярулов А. А.* Коррекция негативной психической напряженности детей дошкольного и младшего школьного возраста в условиях детского дома: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1996 и др.

8. *Орлов А. Б., Лэнгле А., Шумский В. Б.* Экзистенциальный анализ и клиентоцентрированная психотерапия: сходство и различие // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 21–36.

9. *Франкл В.* Критика чистого общения: насколько гуманистична «гуманистическая психология» //

Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – С. 321–333.

10. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М., 1989. – С. 319–344.

11. *Роджерс К. Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994; *Роджерс К. Р.* Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы. – М., 1999; *Роджерс К., Фрейберг Дж.* Свобода учиться. – М., 2002. – С. 388–437.

12. *Роджерс К. Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994. – С. 135.

13. *Роджерс К. Р.* Клиент-центрированная психотерапия. – М., 2002. – С. 447.

14. *Роджерс Н.* Путь к целостности: человекоцентрированная терапия на основе экспрессивных искусств // Психологическое консультирование и психотерапию / Сост. А. Б. Орлов. – М., 2004. – С. 68.

15. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. – М., 1994; *Мэй Р.* Сила и невинность. – М., 2001; *Мэй Р.* Открытие бытия. – М., 2004; *Мэй Р.* Новый взгляд на свободу и ответственность // Экзистенциальная традиция в философии, психологии, психотерапии. – 2005. – № 2. – С. 52–65; *Мэй Р.* Любовь и воля. – М., 2007.

16. *Мэй Р.* Сила и невинность. – М., 2001. – С. 319.

17. *Бьюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта. – СПб., 2001. – С. 95.

18. *Мэй Р.* Сила и невинность. – М., 2001.

19. *Койфман М. В.* Преобразование образа мира личности в практике гуманистических подходов: Дипломная работа / МПГУ. – М., 2009. – С. 35–59.

20. *Осухова Н. Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. – М., 2008. – С. 182–184.

21. *Ягнюк К. В.* Сессия Карла Роджерса с Глорией: анализ вербальных вмешательств // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. – № 1–2. [Электронный ресурс: <http://www.psyjournal.ru/j3p/all.php>]

22. *Боуэн М.* Миф о недирективности: сеанс с Джил // Журнал практического психолога. – 1998. – № 1. – С. 21–31.

23. *Мэй Р.* Сила и невинность. – М., 2001. – С. 95.

24. *Там же.* – С. 99–102.

25. *Maddi S. R., Khoshaba D. M.* Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. – 1994. – V. 63. – P. 265–274.

